

Мяуканье резануло по сердцу, и в тот краткий миг, пока Чжун Мин спешил на звук, в голове его пронеслось множество картин — скорее всего, зверь или змея напали на кошку, иначе чем ещё объяснить такой пронзительный, полный боли крик?

Он и сам с братом с детства любили кошек, да вот беда — сколько ни приносили на лодку, ни одна долго не задерживалась: едва успеешь привыкнуть, как она уже удрала, и ищи-свищи. А эта, с которой он столкнулся недавно у Су И, была особенная — ловкая, живая, с глазами цвета молодой листвы, светящимися будто янтарь. И если теперь она погибнет где-то в глуши, в его сердце точно останется осадок.

Добежав наконец до места, Чжун Мин понял, что зря себя накручивал: ни зверя, ни змеи, даже следа фазана или зайца поблизости не было. Зато в траве под кучей сухих листьев притаился капкан. В нём зажало заднюю лапку той самой серо-чёрной кошки, и теперь она тихо скулила, обессилев от боли.

Су И стоял рядом, в руках у него была ветка, которой он пытался поддеть капкан, но тот был крепок, не поддавался. Гер уже вспотел от напряжения, лицо вспыхнуло румянцем — видно было, что кошка ему не просто нравилась, он к ней душой прикипел.

Чжун Мин шагнул вперёд, увидев, как Су И снова собирается полезть рукой.

— Не трогай, — твёрдо сказал он, — если не сможешь открыть и зажмёт ещё и руку — будет не до смеха.

Су И молниеносно отдернул руку, но в тот миг, когда распознал в подошедшем Чжун Мина, его лицо заметно расслабилось — словно с плеч свалился тяжёлый груз. Он и сам не знал, почему так вышло, откуда вдруг в нём родилась уверенность в этом человеке.

Наверное, дело было в том, что выросший в насмешках и пренебрежении, он, как никто другой, научился отличать искреннюю доброту от лживого участия. Он поставил на то, что Чжун Мин — не из тех, кто причинит боль. Он решил поверить и надеялся не проиграть.

— Ты... ты сможешь мне его вытащить? — голос у него дрогнул, и он, будто сам стесняясь своей просьбы, быстро добавил: — У меня есть деньги. Я заплачу тебе.

Слова его прозвучали почти умоляюще, и он, закусив губу, посмотрел на Чжун Мина с такой напряжённой надеждой, что в груди того на миг кольнуло. Но Чжун Мин лишь слегка покачал головой. Су И, решив, что ему отказали, уже приготовился к разочарованию, но не успел даже опустить взгляд, как Чжун Мин уже опустился перед ним на корточки.

— Что за глупости. — голос его был спокоен. — Пустяковое дело, к чему тут деньги?

Он действительно не считал это чем-то особенным. Подняв свой мачете, Чжун Мин лёгким

движением коснулся холодного металла ловушки.

На берегу моря, где люди веками жили лодочной жизнью, никто не охотился и уж тем более не ставил ловушки. Но он сам прожил не одну зиму в армейских лагерях, и таких штук видел предостаточно — в горах, где солдаты прятали капканы, чтобы к обеду поймать зайца или ежа. Ему хватило беглого взгляда, чтобы понять, с чем имеет дело и как с этим управиться.

А вот тот, кто поставил капкан здесь — настоящий бездушный подонок. Ни метки, ни знака, ни тряпки на ветке — будто нарочно ждал, кто бы попался. Сегодня котёнок, а завтра — кто-то из людей?

— Эта штука — всего лишь хитроумная механика, — пояснил он, проверяя заедание в пружине.
— Тут дело не в силе, а в точности. Иначе те же охотники каждый раз бы на ней надрывались.

Он оглянулся на Су И и коротко кивнул подбородком:

— Держи его. Сейчас открою, а он, как сорвётся от боли, да в лес — в жизни не найдёшь. А в таком виде он долго не протянет.

Су И моментально вцепился в зверька, руки сжались крепко, но осторожно. Под пальцами чувствовалась горячая дрожащая кожа, влажная от пота и крови, и тонкое, едва ощутимое сердцебиение, будто ослабевшее «тук-тук» жизни. Ему чуть полегчало — пока сердце стучит, ещё не всё потеряно.

Чжун Мин действовал быстро и ловко. Нашёл нужный угол, ткнул остриём ножа в замок — раздался щелчок, и капкан разжал железные зубья. Маленькое тельце тут же судорожно дёрнулось, попыталось отползти, но Су И успел удержать. Впрочем, через пару секунд котёнок уже обмяк — сил не было даже на попытку спастись.

Чжун Мин взял ловушку, отнёс к заметному месту, вложил в спусковой механизм крепкую ветку, чтобы больше ни зверь, ни человек на неё не угодили. А обернувшись, увидел, что Су И уже аккуратно рвёт подол рубахи и пеленает ранку на окровавленной лапке.

— Нога у него сломана, — тихо произнёс Чжун Мин. — Просто обмотать — толку мало. Если толком не заняться, жить-то будет, но хромым останется. А то и хуже — сгниёт лапа, придётся отрезать, и останется трёхлапым.

Слова звучали ровно, почти буднично, но в них чувствовалась тревога. Су И и сам понимал, что это может быть не конец, а только начало беды. Такие исходы в военном лагере встречались сплошь и рядом, Чжун Мину довелось видеть их не раз, потому, говоря об этом, он даже бровью не повёл — откуда ж ему было знать, какого страха это нагнало на Су И. Маленький гер подумал: не зря же в деревне все поголовно твердят, будто Чжун Мин с малых лет был буйным, лез в драки и калечил людей — иначе с чего бы ему всё это знать так досконально? Но с виду он миролюбивый, и в голосе ни злости, ни угрозы — и с какой стороны на него ни глянь, не

похож он на того, о ком судачат. Да и сам он, убогий, отмеченный несчастьями гер, в самом деле едва ли достоин чьих-то корыстей. Подумав так, Су И словно полегчало, и страх отступил.

Чжун Мин, видя, что гер молчит, сам заговорил первым, прямо озвучив свою мысль: он положил глаз на этого маленького воробьиного котёнка. Раз уж Лю Ланьцао не разрешает Су И взять его на лодку, не лучше ли ему отнести кота к себе — его младший брат точно будет в восторге. В прошлой жизни брат тоже всё упрашивал завести котёнка, и тогда Чжун Мин пообещал с ходу, что купит ему в деревне самого красивого, с золотистыми полосками. Да только об этом он почти сразу позабыл, а брат так своего кота и не дождался — рано ушёл из жизни.

— Если хочешь, — сказал он, — я возьму его к себе, вылечу. Обещаю, будет у него три раза в день рыба и рыбный суп, в обиде не останется.

— Ты хочешь завести кота?.. — искренне удивился Су И. Он-то всегда считал, что такому мужчине, как Чжун Мин, уж точно не нравятся всякие мягонькие, пушистые создания.

— Они мне нравятся, — ответил Чжун Мин, — но больше всего, конечно, хочет мой младший брат. Он уж сколько времени спрашивает завести котёнка. Я и ловил для него диких, да всё без толку — не приживаются. Пару дней посидят, а потом прыгают на берег и след простыл.

Хотя, казалось бы, у других водных семей коты живут на лодках без проблем: днём хоть целый день гуляют, а к ночи сами возвращаются спать. Только у них дома это не срабатывало. Чжун Мин думал: нынешний котёнок с переломанной лапой, долго шастать не сможет, если за это время приласкать и приучить, глядишь — и сам станет домашним.

— Ты как думаешь?

Су И не находил поводов отказать. Он только с лёгкой тоской провёл ладонью по шёрстке, и когда котёнок лизнул ему в ладонь, уголки его губ невольно поднялись в мягкой улыбке.

На самом-то деле он был вовсе не уродлив — просто лицо жёлтое, истощённое, и как будто даже из тех редких черт, что были в нём хороши, нужный блеск уходил. А сейчас, когда он улыбнулся, уголки глаз слегка опустились, выгибаясь мягким, податливым изгибом — как коготок котёнка, скользнувший по сердцу Чжун Мина.

— Он ведь дикий. Я так, кормил иногда: мелкую рыбёшку подкину, или ракушку расковыряю. Он и сам бы без меня нашёл. Если ты его возьмёшь — значит, это ему повезло.

Он бережно поднял котёнка на руки и протянул Чжун Мину. Тот был куда выше, и если не задрать голову, Су И видел лишь его плечи — словно перед ним выросла живая стена.

В тот самый миг, когда Чжун Мин принял из его рук котёнка, комок невысказанных чувств

подступил Су И к горлу, сдавил, мешая дышать.

— Ему... лучше будет подальше от меня. — голос его дрогнул. — Если бы не я поднялся в гору, он бы и не пошёл за мной. А не пошёл бы — не попал бы в тот капкан. Выходит, это я во всём виноват...

Чжун Мин уже держал котёнка на согнутой руке — тот был лёгок, словно пёрышко, будто совсем не имел веса. Он хотел было пошутить, мол, не кот, а один скелет — не ест, что ли, совсем? — но, услышав слова Су И, только нахмурился.

— Ты сам сказал — это дикий кот. Пришёл за тобой — ну, порыв у него такой, кошки же вечно носятся где ни попадя. Ты ж его не на верёвке тащил, сам пошёл. Так с чего ты взял, что это ты его сгубил?

Су И, похоже, уже утвердился в своей мысли. Он машинально коснулся левой руки — той самой, где мизинец был обмотан тряпицей. Под повязкой не было раны, только бугорок: с рождения у него было шесть пальцев.

— Я не знаю, — пробормотал он. — Но такая у меня судьба. Кто рядом со мной — тому не везёт.

Когда-то его отец и младший отец очень его любили. Возили в посёлок, покупали сладкие леденцы на палочке... Потом они умерли, и дома у него больше не стало. Его забрал к себе дядя, и какое-то время он жил в тепле и сытно. Но в итоге не стало и дяди.

Когда погибли его папа с малым папой, бабушка смотрела на него, как на дьявола, и прямо сказала, что его следовало бы сразу после рождения бросить в огонь и сжечь дотла. А когда пришла весть о смерти дяди, тётка с рыданиями накинулась на него, отхлестала по лицу, выдирала волосы, ругала, что он и вправду «звезда несчастья», навлекающая смерть.

Теперь вот очередь дошла до котёнка. Это было единственное живое существо в деревне Байшуйао, что после смерти дяди само подошло к нему. Даже если оно не умело говорить, Су И всё равно рассказывал ему о сокровенном. Говорил, что не раз думал о смерти, но в итоге всегда отступал — не хватало храбрости. Говорил, что завидует рыбам в море — свободным и ничем не связанным, они могут уплыть очень далеко.

— У меня действительно шесть пальцев... это ведь дурная примета...

Чжун Мин чуть не рассмеялся — не потому, что счёл Су И смешным, а потому что его слова показались ему возмутительными.

— Ты в это веришь?

Су И, похоже, не до конца понял, о чём речь.

— Что? — переспросил он.

Чжун Мин повторил:

— Я спрашиваю, ты и правда в это веришь? В этот вздор про шесть пальцев и злую звезду, будто ты приносишь несчастье тем, кто рядом?

Раньше, слыша разговоры о Су И, он ещё думал: бедный гер, попал под деревенские языки, живёт себе, а на него навешали все возможные напасти. Но теперь понял — оказывается, сам Су И верит в это, по-настоящему. Что это вообще значит? Люди обзывают тебя, а ты и сам киваешь: «да, всё так»? Ты с ума сошёл?

Наверное, всё дело в том, что сам Чжун Мин человек прямой и вспыльчивый, слова у него долго на языке не держатся — что думает, то сразу и видно по лицу. Су И заметил, что Чжун Мин как будто рассердился, но не понимал, чем вызвал его гнев. Из-за того ли, что сказал — верит в дурную судьбу? Верит, что может накликать беду на родных?

— Мне... мне не следовало? — прошептал он.

Он и представить себе не мог, что на это может быть другой ответ. Сколько себя помнил, столько и тянули его за уши, клеймили «звездой невезения» — два иероглифа, будто выжженные на костях. Когда не стало его отцов, семья Су от него отвернулась. Когда погиб дядя, тётка стала третировать. А он и не жаловался — потому что верил: так и надо. Если не верить в это, тогда как вообще дальше жить?

Годы нищеты выковали в нём броню — не только мозоли на ладонях, но и на сердце. Лишь когда оставался один за работой, мог немного выдохнуть, поговорить — с морем, небом, камнями, прибойной волной, да даже с той самой кошкой.

Чжун Мин глубоко вдохнул:

— Не стоит в это верить. И не нужно. Какое ещё «приносит несчастье родным»? Если по-твоему рассуждать, то мои родители тоже умерли. В один год, с разницей в пару месяцев: отец ушёл в море и стал кормом для рыбы, мать слегла от болезни — умирала прямо на нашей лодке, у меня на глазах.

Он посмотрел Су И в лицо, в глазах того медленно поднималась растерянность.

— Если следовать твоей логике, значит, это я их сгубил? Или, может, это мой младший брат их «сглазил»?

Су И поспешно замотал головой:

— Нет... Нет, не может быть, я не это имел в виду.

Чжун Мин отвёл взгляд, прижал к себе котёнка, устроив его поудобнее.

— Ты не волнуйся. Я всё это к тому, что не стоит слушать болтовню этих длинных языков. Мы, люди воды, на море рождены — и рано или поздно на море и умрём. Таков наш удел. Разве что покинем эту воду навсегда.

Он сам прожил прошлую жизнь в суете и глупости, и теперь ему выпал шанс начать заново. Судьба — штука туманная, непредсказуемая. Су И ещё совсем юн, не должен он под этим гнётом провести всю жизнь. Если так и дальше пойдёт, человек надорвётся, не выдержит. Теперь Чжун Мин ценит жизнь сильнее, чем кто бы то ни было. Хорошо сказано: лучше жить, пусть и трудно, чем хорошо, но недолго. Вторая тётя была права.

Возможно, дело было в том, с какой решимостью и твёрдостью говорил Чжун Мин — но Сюй И, сам того не осознавая, вдруг поверил ему. Молча, с чуть растерянным видом, он кивнул, медленно, будто под гипнозом.

Чжун Мин понимал: есть вещи, на которые одного разговора не хватит. Предвзятость окружающих и то, как Су И сам на себя смотрит — всё это вросло слишком глубоко, одним словом не выкорчуеться.

Он смягчил голос:

— Пора идти. Мне нужно отнести котёнка домой, на лодку.

Су И словно очнулся ото сна и поспешил за ним, спускаясь по склону следом.

Когда вернулись к месту, где оставили вязанки, обе всё ещё лежали на своих местах. Чжун Мин взвалил на плечо свою. С учётом того, что теперь ему ещё и кота нести, тащить вторую вязанку было бы неудобно, потому он и не стал за неё хвататься.

Перед тем как уйти, вдруг что-то вспомнил и обернулся к Су И:

— Ты ведь его уже какое-то время подкармливаешь, верно? Имя ему дал?

Су И кивнул — подбородок, острый, как лезвие, качнулся раз-другой. Чжун Мин помрачнел: худ он до невозможности. Таким подбородком, казалось, он мог бы проколоть себе же грудь, если сильно наклониться. Когда-то и его младший брат был таким же худышкой — лекарства ел чаще, чем рис. Но потом, когда стали хорошо кормить, щёки и у него округлились. Значит, и Су И сейчас разве что не помирает с голоду, ест самый минимум. Лю Ланьцао, выходит, обращается с ним не лучше, чем с обузой: только с голоду не дает умереть.

— Вроде как есть, — кивнул Су И. — Я зову его Сяо Юй.

Чжун Мин удивлённо моргнул:

— «Сяо Юй»? То есть «маленькая рыбка»? Ты дал коту кличку «маленькая рыбка», потому что кошки едят рыбу?

Су И тихонько улыбнулся, уголки глаз приподнялись, как при ясной погоде.

— Не «рыбка», а «лишний» — тот иероглиф, что значит «избыточный».

Чжун Мин понял и цокнул языком.

— Эх, имя-то с неудачным смыслом... Слушай, а можно я его переименую?

Су И легко согласился. Он никогда и не считал котёнка своим. Их пути просто пересеклись ненадолго, и теперь эта короткая дорога подошла к концу.

Чжун Мин немного задумался, потом, лукаво прищурившись, усмехнулся:

— Придумаю что-нибудь дома. А если захочешь узнать, как его теперь звать, загляни ко мне на лодку. Увидишь сам.

В лесу поднялся ветер, листья шумели в кронах, словно шептались. Чжун Мин ушёл уже довольно далеко, а Су И всё стоял на том же месте, не шелохнувшись. Последние слова Чжун Мина сперва поставили его в тупик — а потом, когда дошло, на лице промелькнуло тихое, сдержанное счастье.

Он крепко сжал пальцы, и в глазах на миг вспыхнул тёплый свет. Жаль только — никто этого не заметил.

<http://bllate.org/book/13583/1204987>